

Мемуары

ГОРИТ НА СЕРДЦЕ КОСТЕР

Родителей своих не помню. Отец умер до моего появления на свет. Мама скончалась в Минске в больнице в 1936 году. Думаю, что я в пять лет не понимала, что потеряла. Я ощутила это гораздо позже, когда стала подрастать. Дети хвастались своими родителями, а я говорила, что у меня есть бабушка, и он очень умный, что у меня есть

Плакат "Помни о нас"
Автор - Анжелика МАТЮНЕНКО

бабушка, и она очень добрая. Иногда мне казалось, что так и должно быть: есть бабушка, бабушка, тети, дяди и не обязательно мама и папа. Меня никто не обижал, все жалели, но любила меня по-настоящему только бабушка. Это я чувствовала всегда, со всеми своими бедами я шла только к ней. Дед мой был до революции адвокатом, но практики у него не было, и он занимался агиткой, которую получил в приданое за бабушкой. Бабушка также работала в агитке провизором. В 1922 году банда Булак-Булакчица устроила в нашем местечке кровавую бойню и вырезала половину евреев. Во время этого погрома погибли мои прабабушка и прадед с материнской стороны, погибла бабушкина сестра и много соседей. Сгорел наш дом с агиткой. Но, как говорят, не бывает худа без добра. Это спасло деда с бабушкой от ареста, когда арестовывали всех, кто владел частной собственностью.

Наше местечко Любань находится на юге Полесья в Минской области на границе с Гомельской. Дороги к нам были проезжие только зимой и жарким летом, но все, что происходило в стране, было и у нас. Я помню страшный голод. Бабушка выделала нам по кусочку хлеба, мне и деду. Она считала нас слабее других членов семьи. Остальные ели лепешки с железами. Это было примерно в 1933-1936 году. Все, что возможно было продать, продано было, чтобы собрать деньги на лечение моей матери, но она умерла от скоротечной чахотки в 23 года в феврале 1936 года. Туберкулезом болел и мой дед, а раньше, в 1929 году, умерла мамина сестра семи лет от роду также от туберкуле-

за. В 1939 году два маминых брата, Давид и Кива, ушли на войну с Польшей, а затем в 1940 году - воевали с финнами. Когда они вернулись, то сразу сказали, что будет война с немцами, но никто им не верил. Вскоре Кива уехал в Слуцк и там женился. Мы тоже понемногу начали оживать после голодных лет. Помню, что купили мебель - никелированные кровати и диван. Дед работал бухгалтером в артели сапожников, а бабушка пошла работать в пекарню на выпечку кондитерских изделий. За два месяца до начала войны бабушку арестовали, якобы за спекуляцию хлебом. Суд состоялся 18 июня 1941 года, и бабушку оправдали.

На фронт ушли из нашей семьи сразу три маминых брата: Давид, Кива. Семен и три маминых двоюродных братья. Деда эвакуировали, он был очень слаб и умер по дороге в Саратов. Я, бабушка, тетя Зина с сыном Цаликом, сыном Давида - Феликсом вынуждены были остаться дома.

В годы моего детства население нашего местечка преимущественно было еврейским. По соседству с нами жил сапожник Левин Авраам, у него было 13 детей, при Советской власти все выросли, и я дружила уже с его внуками. Большая половина его семьи погибла во время войны, три сына - на фронте, четыре дочери с детьми погибли в гетто. Еще один сосед-портной имел одиннадцать детей - старшей Циле было 20 лет, она была красавицей, закончила первый курс медицинского училища. Над ней немцы надругались, а потом убили. Вся семья Рожанских погибла в гетто. Из пятнадцати человек нашей семьи погиб на фронте дядя Кива, а его жена Гита с двумя детьми сгорела живьем в Слуцком гетто. Дядя Семен вернулся инвалидом, а дядя Давид провоевал всю войну и вернулся домой в 1945 году.

Когда началась война, мы пошли пешком на восток, но в 40 километрах от Любани нам перерезали дорогу немецкие мотоциклисты, и мы вернулись домой.

Немцы пришли в Любань в конце июня 1941 года, и уже в августе состоялся первый еврейский погром. Немцы вывесили объявление, что должны зарегистрироваться мужчины - специалисты: учителя, инженеры, техники - люди всех национальностей и всех возрастов. Многие пришли. Они отсортировали русских отдельно, евреев отдельно. Русских отпустили, а евреев расстреляли и закопали в райисполкомовском саду. В пятнадцатые годы на этом месте построили Дом культуры.

Потом фашисты начали организовывать гетто. Наша улица также вошла в гетто. Огородили половиной улицы Мельничной, Ленинскую до пересечения с Первомайской, Комсомольскую, Банную с переулками. Часть ограды гетто шла по реке Аресе, в некоторых местах рядом со зданиями. Она проходила и возле ресторана, где у меня была лавочка. Я ей пользовалась, когда выходила из гетто что-нибудь обменять на продукты. В свои одиннадцать лет мне приходилось очень часто рисковать ради того, чтобы прокормить семью.

В нашем доме в четырех небольших комнатах разместилось пятнадцать человек - четыре семьи, и я стала связанной между гетто и остальным миром. Нашим землякам, белорусам, было также нелегко, но им смерть угрожала только по случаю, а над нами она висела ежеминутно, над головами стариков, больных людей и детей.

В начале ноября 1941 года в гетто повесили двух женщин. Возле нашего дома росла дача тополя, и несчастные повесили на них. На груди у них были таблички, на которых написано, что так будет со всеми, кто имеет дело с партизанами. А партизаны в нашем районе уже вовсю действовали, и молодежь 16-18 лет уходила из гетто в лес к партизанам. Повешенные женщины были еврейками, одна из деревни Сорочи, а вторая, говорили, из Слуцка. Она несла листовки из партизанского отряда, ее поймали на дороге. В

ночь на 7 ноября партизаны разгромили штаб гестапо, который размещался в бывшей еврейской школе, убили двух немцев и сожгли школу, а на завтра в гетто был погром. Ворвались полиция и хватали всех подряд. Попадались в основном люди старшего поколения, которые не хотели прятаться. Их увезли в Костюковский лес, в трех километрах от Любани, и расстреляли. Гетто вымерло, люди боялись сходиться к колодузу за водой. Наша семья вырыла себе яму, обложила ее досками, и там мы прятались. Полиция озверела. Упиваясь властью, они приходили в гетто, отбирали последнее, что еще оставалось в домах евреев.

Особенно зверствовали полиция Березовский, братья Таждын, Ременчик, Мордилако - это те, которых я знала, и особенно отличался бывший окруженец Хиняжик. Помню, зашел Березовский с полицией к нам в дом, стал требовать золото. По его приказу перевернули все вверх дном, в коридоре стояли бочка квашеной капусты и бочка огурцов - это все, что мы смогли заготовить на зиму. Березовский принес канистру с керосином и вынул керосин в эти бочки, а потом поимовое ведро раздал на кучку картофеля. Мы молча выбросили продукты, но никто не попросил у полиция смилостивиться над нами.

Ко мне в гетто приходила русская подруга - Вера Михаленко. Дома у них была корова, и она иногда приносила молоко для моего двоюродного братика Цалика. Ему было шесть лет. Однажды она пришла и сказала: "В городе говорят, что скоро будут уничтожать гетто". Это было в конце ноября. Второго или третьего декабря я была опять в городе и заходила к свояченице Вере Набздоровой, она мне прямо сказала, что 4 декабря будет ликвидировано гетто, уже приехали асsovцы и литовцы из истребительного батальона. Я побежала домой и рассказала бабушке и тете Зине, но они все уже знали. До этого молодых женщины гоняли копать рвы, якобы для картофеля. Туда тетя Зина ходила и догадалась, для чего эти рвы.

Нас осталось дома четверо: бабушка Нехма - 55 лет, тетя Зина - 23 года, я - 11 лет и мой двоюродный брат Цалик - 6 лет. Еще где-то в октябре месяце пришел из леса связанной Исаак Кушнер и уговаривал Зину уйти в партизаны, но Зина показала рукой на нас и сказала: "На кого их оставлю". Я сидела рядом, плакала и говорила: "Уходи". Но это не помогало. Она действительно была опорой всей нашей небольшой семьи и считала, что не может нас бросить. Бабушки при этом не было, и Зина просила меня ей не рассказывать. Тогда, в далеком 1941 году, в свои одиннадцать лет я уже была взрослой и понимала, что бабушке говорить об этом нельзя.

Наступило четвертое декабря 1941 года. С утра в гетто все поспириталось, и на улицах не было видно ни души. В декабре дни короткие, и в четыре часа дня уже наступили сумерки. Бабушка с тетей Зиной вызвали меня в кухню, и бабушка сказала: "Ты уйдешь из гетто к библиотечарше Лидии Андреевне Давилевич, возможно, ты останешься жить и, когда Давид вернется с фронта, расскажешь ему, как мы жили. Она верила, что Давид, ее старший сын, обязательно останется жить. И он остался жить, и пришел с фронта, и дожил до 1985 года.

Я ушла к Лидии Андреевне, и эта женщина меня спря-

тала, совершенно бескорыстно. Ее муж до войны дружил с моими дядьями, и она посчитала своим долгом спрятать меня.

Погром начался в пять часов вечера и длился до 10 часов. Местечко затихло, кроме полиции на улицах никого не было. Я это не видела, но рассказывали дети Лидии Андреевны - Витя и Люся.

Две недели я пряталась под кроватью или за печкой в этой семье, но они не могли меня держать постоянно.

Еды не было, и продукты для меня приносили соседи Свиридовы и семья Кольки Свиста, пусть они меня простят, фамилию их я не помню.

6 декабря Витя пришел под вечер с улицы и сказал, что убили Комиссаровых. Так я узнала, что осталось на свете одна. Уже через много дней я узнала, что айбазкоманда уехала из нашего местечка 5 декабря, а полиция продолжала искать спрятанных евреев и убивали их на месте. Трупы лежали много дней непохороненными, а затем полиция заставила местное население убрать трупы. Людей, как дрова, грузили на телеги и везли в общую яму.

Когда у Лидии Андреевны стало опасно прятаться, собрали меня в дорогу. Пришли соседи, кто дал хлеба, кто кусок сала, кто теплую кофту. Потом рассказали, как и куда идти, и отправили в путь. Но мне было всего 11 лет, и я пошла напрямик через центральную улицу, думая, что мне удавалось раньше ходить по улицам и никто меня не выдаст, не выдают и теперь. Но, увы! Судьбе было угодно, чтобы я встретила старого Ременника, отца полиция Васьки-труслика,

Семья Комиссаровых. Фото 1935 г.

и он отвел меня в полицию. Начальник полиция Гедранович был нашим соседом до войны, и когда он меня увидел, сказал: "Соня, что ты тут делаешь, ты же русская, только жила у евреев, уходи, приходишь завтра ко мне, и мы с тобой пойдем к комманданту".

Теперь настал черед рассказать, кто же на самом деле был Гедранович (к сожалению, не помню имя). До войны он работал главным бухгалтером МТС. Очень умный человек. Когда организовывали подполье, ему предложили пойти начальником полиция и работать на партизан. Гедранович поддерживал связь с комбригом Брагинным, но комбриг погиб в 1942 году летом. Одно время стали проваливаться партизанские связные, и решили, что это дело Гедрановича. Партиза-

ны сами выдали его полициям. Гедрановича взяли гестапо, пытали, издевались над ним, резали тело и посылали раные солью. Это уже выяснилось после войны, а он ничего немцам не сказал.

Куда мне было пойти переночевать, я не знала. Я заходила в несколько квартир, но меня вежливо выпроваживали, и я пошла к своей свояченице Вере Набздоровой. У нее переночевала. Утром я стояла у окна и видела, как на телегах везли трупы расстрелянных евреев. На одной из телег лежала моя бабушка. Рука ее свешивалась с телеги, и один палец был отрублен. На этом пальце было когда-то обручальное кольцо. Я очень испугалась, отошла от окна и сидела как каменная. Потом оделась и пошла к начальнику полиции. Гедранович меня уже ждал. Он совзвонился с бургомистром Сержанним, и они вместе со мной пошли к коменданту. Все, что они говорили обо мне, я понимала, так как знала идиш. Мне дали справку, что разрешается жить в Любани. Когда мы вышли из комендатуры, Гедранович сказал: "Запомни: тебя оставили жить потому, что у тебя отец русский, твоего отца никто не помнит в Любани, и для людей он русский". Он меня определил на работу в столовую госудомойки и на квартиру устроил к офицантке Капитолине Лагун. Я должна рассказать и о бургомистре Сержанние. Он был учителем химии. Еще при царе закончил университет. Очень дружил с моим дедом. Бургомистром назначили против его воли, так как в Любани на эту должность никто не хотел идти. В первой половине 1942 года Сержанни умер от инфаркта. После него был бургомистром некто Гальчине - этот служил немцам по всем правилам. Фамилию свою я записала Курочичкая. Такая фамилия была у парня, который жил у нас на квартире в конце 20-х годов. Пускай люди думают, что это мой отец. Первое время мне у Капитолины было неплохо. У нее было двое детей, муж ее, Лагун Дмитрий, был на фронте. Она была из Москвы, приехала в гости к родителям мужа, и ее застала война. Через некоторое время она у меня выпросила, где у нас запрятаны вещи, и выкопала их. В этой яме были закопаны вещи не только наши, но всех тех людей, кто жили в нашем доме: маминго двоюродного брата Юдсея Кашнелсона, его жены Раси и троих детей, дальних родственников бабушки Хавы Львович, ее сестры, беженки из Польши Эстер, ее сына и еще одной семьи. Лагун стала распорядиться вещами, как своими. Она стала носить какие-то новые юбки, кофты и все смотрела на меня, что я скажу ей на это. На мой вопрос, где она взяла новую одежду, она отвечала, что Люба (это ее дочь 9-ти лет) ходила в бывшее гетто и принесла оттуда. Примерно в апреле 1942 года к Капитолине стал приходить один человек, который работал в гестапо. Кем он там был, не знаю. Но с этого времени она стала очень плохо относиться и ко мне, и к Любе, своей дочери. Тогда Любка мне и рассказывала о том, что она вместе с братьями мужа, Василем и Игнатом, выкопала яму, где хранились вещи. Всю одежду поделили на три части. Я молчала, но в этой яме были и вещи моей свояченицы Веры Набздоровой, и она не захотела мириться с тем, что Капитолина забрала себе все и прислала к ней своего ухажера - полиция Васью Ременчика и переводчика из гестапо Ганса. Я показала, где лежит одежда. Они ее погрузили на подводку и уехали. Вечером пришла Капитолина, она избилла Любу, а меня выгнала из дома. Я пошла к Вере, и она меня приняла.

Вот теперь я расскажу о Вере.

Вера - это сестра жены моего дяди Давида. Когда началась война, она перешла жить к нам. Все страдания, которые мы перенесли до гетто, она перенесла с нами. Когда организовывалось гетто, она ушла и забрала племян-

ника Феликса, записав его своим сыном. В это время ее и увидел полицай Ременчик, стал за ней ухаживать и сделал ей предложение. Она ему отказала, и еще год тянула эта история. Потом он сказал, что убьет жену, если она не выйдет за него замуж, и она, спасая Феликса, согласилась на этот брак. Вот в это время я и пришла к ней.

С едой было трудно, ели мы картошку с огорода и толкали просо в ступе на крупу. Столовая, где я работала, к тому времени уже закрылась, и я всегда была голодной. Подкармливали меня соседи, мои спасительница Лидия Андреевна Свиридова и Оля (Кольки-Свиства жена). Жила я у многих людей. По-разному они ко мне относились. Одни жалели, другие заставляли работать с утра до ночи, третьи угрожали за любое непослушание отвести в гестапо. С середины августа 1943 года я поселилась у своей подруги Веры Михаленко. Мы стали жить троим: Вера - 14 лет, мне - 13 лет, Мане - 12 лет. У Веры была корова, и кое-какие вещи остались мамини, например, швейная машина. Сосед Севрук, который работал у немцев в контроле, занимался заготовками для рейха, он решил присвоить себе имущество Михаленковых. Просто нас сдать немцам он, видимо, не хотел. И тогда стал угрожать Вере, чтобы мы бежали в партизаны. Мы, конечно, были согласны. По соседству с нами жила следователь СД Садовский, у него была нянька - наша ровесница. Однажды вечером она прибежала к нам и говорит: "Севрук вас сдал моему хозяину. Он ему сказал, что вы хотите уйти в партизаны". Мы хоть и были детьми, но понимали, что нас ждет. Нужно было бежать сразу же, но уже был комендантский час. Назавтра мы ушли из дома к Александровым, пробрались там до вечера. Вера с Маней пошли домом взять кое-какие вещи, а я еще задержалась на пару часов. Когда я пошла домой, меня встретили соседи и сказали, что Вера с Маней арестовала СД. У дома стоял полицай. Меня выдали и арестовали.

Мы уже знали, что нас продал Севрук. Мы сговорили-

Последние евреи Любани у памятника жертвам штирловского геноцида.

лись сказать, что в партизаны нас уговаривал идти Севрук. На допрос нас вызвали в СД к старшему следователю Романчуку. Он сначала допросил Веру, а потом меня. Веру крепко били, а меня ударили только два раза. Раз удар пришлось по носу, пошла кровь, а затем ударили в ребро. Я потеряла сознание. Приходя в себя, я услышала диалог между Романчуком и еще одним следователем Сайкой: "Что будем с ними делать?" - "Сделаем очную ставку и в расход".

Привели Севрука. Что он говорил Вере, я не знаю, но она вышла из кабинета вся в синяках, а мне Севрук сказал: "Проклятая жидовка, я тебя сейчас убью" и потянулся к пистолету на столе следователя. Романчук ему не дал этого сделать и сказал: "Успеем еще".

Нас с Верой отвели в тюрьму и втокнули в общую камеру. Мано на допрос не вызывали, мы с Верой сказали, что она ничего не знала. Случилось так, что как раз в этом время власовский батальон вместе со своим командиром перешел на сторону партизан. В Любани подняли всех полицейских и немцев в погону за ними. В районе деревни Веженка завязалась бой. Власовцы прорвались. Погибло несколько полицейских. Предателям было не до нас. В одну из ночей к нам в тюрьму притаили много молодежи из окрестных деревень. Их хватали, где попаало. Камеры были битком набиты. Наутро нас всех выгнали и построили во дворе. Один полицейский - Жеенька Ременчик (он потом ушел в партизаны) шепнул мне: "Когда скомандуют: "Кто был в камере до этого дня - выступить вперед!" - не выступайте". Я сказала Вере, Вера - Мане. Мы держались за руки и не пошли вперед, а остались с молодежью. Всех, кто выступил вперед, а их было пять человек, - расстреляли в Костюковском лесу. Мы также должны были быть расстреляны. К тюрьме подогнали подводки и нас стали усаживать. На одной подводке - два человека и один вооруженный полицейский. Подводки ехали медленно, не помню уже, сколько было подвод, но в конце этого обоза шло человек 20 полицейских с собаками и еще человек десять немцев с собаками по бокам обоза.

Нас везли на станцию Уречье. Так началась моя долгая дорога длиной почти в три года по немецким лагерям, по хозяйствам баузаров, куда нас отдавали, как рабов. Чего я там только не повидала, чего не натерпелась. Но, слава Богу, 30 апреля 1945 года нас освободили советские солдаты.

В июле 1945 года был сформирован эшелон, и нас отправили домой. Выдали сухой паек на две недели и посадили в санитарный поезд. Через несколько дней мы прибыли на станцию Барановичи. Начальник эшелона провел митинг, а мы плакали от радости. Я впервые задумалась, к кому и куда я поеду? Через день нас привезли на станцию Осиповичи и всех, кто ехал в Слуцк, Любань, Старые Дороги, сдали военному коменданту. Он нас напоил чаем и под утро посадил в пригородный поезд. Я доехала до станции Уречье и вылезла из вагона. Нужно было идти 18 километров, а я не знала даже, в каком направлении нужно идти. Захожу на вокзал, сидит там человек в военной форме без одной руки. Видно, что еврей. Я у него спрашиваю: "Дяденька, покажите дорогу на Любань", а он говорит, что сам не знает, вот придет одна женщина, и мы пойдем. Зашла эта женщина и спрашивает у меня: "Откуда ты едешь и к кому?" "Из Германии еду, а вот к кому, не знаю". "А чья ты?" Я говорю, что я внучка Нехамы Комиссаровой - Соня. А она как заплачет и давай меня целовать. "А мы тебя похоронили в Костюковском лесу". Оказалось, что она тоже еврейка, и я ее вспомнила - это была Маака Кушнер. Их семья также погибла в гетто, они остались вдвоем со старшей сестрой. Мужья их были на фронте. Малкин муж погиб, а Манин вернулся с войны в 1946 году. Маака привела меня к

себе домой, покормила, и я пошла к своему дому. Дом стоял целый, в одной половине работала швейная мастерская, а вторая половина была без окон, заколочена досками. Вышла соседка из дома напротив и спросила у меня, из Комиссаровых ли я. Я ответила утвердительно, и она вынесла мне письмо от Семена. Так я узнала, что Семен жив, она сказала мне, что жив и Давид. Я сразу написала письма Семену и Давиду. Давид был в Берлине, а Семен, после тяжелого ранения, дослуживал в армии, заводил клубом. Его часть размещалась в Гродно. Через месяц приехал Семен и забрал меня с собой. Там я пошла в школу в пятый класс. Я знала, что надеяться мне не на кого, и очень старалась. Мне хотелось вернуться в детство, дотопать прошедшие годы и начисто забыть тот кошмар, который я перенесла.

Соня КОМУССАРОВА.